

Ян обезьян не обещает

Курьенте — 1994 — 25 ноября — с. 12

В народе к нему прилепилось прозвище Мужик. Уж очень полюбилось всем это обращение Яна Арлазорова к выбранной из числа публики жертве. 3 декабря в Театре эстрады состоится сольный концерт популярного артиста. Программу его Арлазоров откомментировал лаконично: "Слонов, верблюдов, собак, дрессированных обезьян — этого не будет. А что будет, пусть люди сами посмотрят. Наобещать много можно, да вдруг ничего интересного не произойдет? Что же я буду рекламировать? Наоборот, будь у меня возможность провести этот вечер дома с красивой женщиной, я бы и сам не пошел!"

— Ян, а почему вы, театральный актер, отдаете такое явное предпочтение эстраде?

— На это так же трудно ответить, как на вопрос, почему любишь эту женщину, а не другую. Как театрального артиста меня не знают. Я уже года двадцать три работаю в Театре имени Моссовета, и как не был там нужен... Занят только в комедии "Шум за сценой" и, когда пытаюсь объяснить, что надо делать спектакли на артиста, вижу: в театре это мало кого волнует. А эстрадой я занимаюсь давно и профессионально — с легкой руки Утесова, который послал меня на конкурс артистов эстрады, и Райкина, который вручил мне там звание лауреата. Так что к понятиям "хобби", "отдушина" все это никакого отношения не имеет.

Сейчас многие эстрадные артисты тянутся в театр, кино, им кажется, что там — высокое искусство. А по мне, настоящий хороший артист эстрады сильнее драматического: взять хоть Райкина. Эстрада во мне вызывает чувства, какие испытывает, наверное, цирковая лошадь в цирке: организм настраивается на другие ритмы, биоэнергетику, чтобы "брать" зал. Я один работаю целый концерт, и нужны мне всего два микрофона в отличие от театра, которому для спектаклей требуются вагон декораций, толпа артистов и еще много чего. Для меня, окончившего Шукинское училище, эстрада — это праздник в духе "Турандот": с сиюминутными, а не заученными шутками, импровизацией, выходами в зал. Это и есть та дорожка, которую стараюсь проложить.

— Не пугает, что эстрадная маска может к вам в конце концов прирасти? Тот же "мужик"?

— Это страшная ошибка, когда артист, работающий в жанре эстрады, отказывается от полюбившейся маски, чтобы показаться степеннее и умнее. Чаплин все время был Чаплином, и никому это не надоедало. Или представьте себе де Фюнеса, который вдруг

решил бы сыграть короля Лира: может, и вышло бы интересно, да только де Фюнесом он перестал бы быть. Тут главный критерий — успех или неуспех. И зачем я буду отказываться от своей "бабы", которая через слово произносит: "Господи!" — или от того же "мужика", если публике они интересны? Ну а что касается опасности прирастания... Я же разный бываю, а какой — определять людям, не мне. И что тут к чему прирастает, сложно понять.

— Как подбираете себе авторов? Или предпочитаете писать сами?

— Пытался что-то придумывать, и, кажется, вышло неплохо. Но я очень ленивый: меня надо заставлять, а некому. А авторы... Если бы можно было их подбирать! Они сейчас предпочитают работать сами на себя по принципу "написал — прочитал". И их можно понять: так же выгоднее. Хотя, будь я на их месте, рад был бы отдавать свои сочинения артистам — как тренер, который ведь чаще всего не выходит играть вместе с игроками. Время меня научило, что, как бы ты ни отдавал авторам силы, душу, все равно оказываешься им неинтересен. А должен быть интересен!

— Вы всегда так мрачно смотрите на профессию и на жизнь?

— А что делать, если все больше чувствуешь: никому это не нужно. Артист эстрады — я даже не себя сейчас имею в виду — смехом врачует так, как никому доктору не снилось. Да на Западе его давно бы признали национальным достоянием, берегли, заботились. А тут живешь в однокомнатной квартире, машину поставить негде, зависишь от того, будет у тебя концерт или нет, поскольку на эти деньги живешь...

Но я всегда понимал: не надо стыдиться быть клоуном — это великая профессия. Когда люди, встречая меня на улице, не просто узнают, а улыбаются и радуются, это замечательно. И я хочу, чтобы так было.